

УДК 902.904 (574)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.215.232>

НАСЕЛЕНИЕ ЖЕТЫСУ В ТЮРКСКОЕ ВРЕМЯ (VIII–XI ВВ.) ПО ДАННЫМ КРАНИОЛОГИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА САМСЫ)¹

©2025 г. Р.Ж. Жанузак, Р.Н. Буранбаев, Р.К. Шербает

В работе представлены результаты палеоантропологического исследования скелетных останков из тюркских погребений курганного памятника Самсы (Жетысу, Юго-Восточный Казахстан), состоящего из разновременных погребений эпохи энеолита, бронзы, раннего железа и Средневековья. Визуально-типологический анализ указывает на смешанный характер исследуемой выборки. Анализ краниологических данных на широком фоне синхронных групп Евразии с применением канонического анализа показал, что мужская серия демонстрирует близость к населению тюркского времени степных и предгорных территорий Казахстана, Кыргызстана и Южной Сибири, при этом существенно отличается от антропологического типа жителей оазисно-долинных регионов Средней Азии. В целом, тюрки Жетысу (Семиречье) характеризуются «восточным» направлением этногенетических связей. Примечательно, что мужская серия из памятника Самсы обнаруживает связь не только с населением близлежащих территорий, но и с представителями огузо-печенежских и хазарских групп Волго-Донья, удалённых на значительное расстояние. Подобная морфологическая близость, по-видимому, отражает древние миграционные процессы, связывавшие южносибирские и центральноазиатские истоки формирования тюркских популяций с отдалёнными западными районами степного пояса Евразии. На некоторых черепах выявлены следы бешиковой деформации, традиция которой прослеживается в регионе с раннего железного века. Наличие таких признаков указывает на длительное использование местным населением колыбели типа бешика, позволяющей надёжно фиксировать младенца. Эта традиция объясняется практической стороной, обеспечивая удобство её применения в повседневном быту женщин при уходе за ребёнком.

Ключевые слова: археология, палеоантропология, тюрки Жетысу, краниология, бешиковая деформация, катакомбы, подбои, погребальный обряд.

THE POPULATION OF ZHETYSU IN THE TURKIC PERIOD (8TH–11TH CENTURIES) BASED ON CRANIOLOGICAL DATA (FROM THE SAMSY SITE)²

R.Zh. Zhanuzak, R.N. Buranbayev, R.K. Sherbayev

The study presents the results of a paleoanthropological analysis of skeletal remains recovered from Turkic period burials at Samsy kurgan complex, a multi-period funerary site encompassing burials of the Eneolithic, Bronze Age, Early Iron Age, and the Medieval period, located in Zhetysu, Southeastern Kazakhstan. Intra-group analysis reveals morphological heterogeneity of the studied samples. Craniometric comparisons, using canonical variates analysis against a broad dataset of contemporaneous Eurasian populations, indicate that the male series is closely aligned with Turkic-period groups from the steppe and foothill zones of Kazakhstan, Kyrgyzstan, and southern Siberia, while showing pronounced differences from the anthropological type characteristic of oasis–valley populations in Central Asia. Overall, the Zhetysu (Semirechye) Turks display an ‘eastern’ vector of ethnogenetic connections. It is of particular note, the Samsy male series shares affinities not only with neighboring groups but also with Oghuz–Pecheneg and Khazar groups of the Volga–Don region, located far to the west. This morphological proximity likely reflects ancient migratory processes linking the South Siberian roots of Turkic population formation to distant western sectors of the Eurasian steppe belt. Several crania bear traces of beshik-type artificial cranial deformation, a tradition documented in the region

¹ Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023—2025, ИРН проекта BR21882346.

² The paper was prepared within the framework of the program-targeted financing of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan in 2023–2025, IRN project BR21882346.

since the Early Iron Age. The persistence of such modifications suggests the long-term use of the beshik-type cradle, which immobilizes the infant securely, its practicality likely accounting for its continuity in everyday childcare practices among women.

Keywords: archaeology, paleoanthropology, Zhetysu Turks, craniometry, beshik-type artificial cranial deformation, catacomb-type graves, side chambers, funerary rite

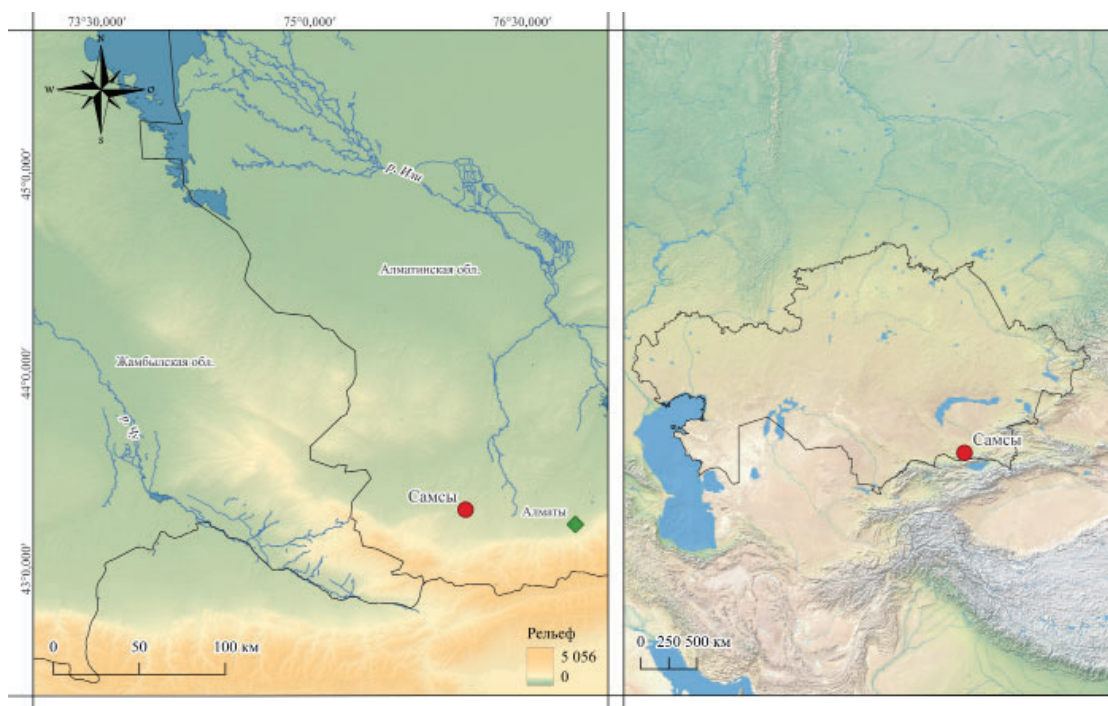

Рис. 1. Карта расположения памятника Самсы в Шу-Илейском междуречье.

Fig. 1. Layout of Samsy site in the Shu-Ile interfluvium.

Введение

В 2018–2019 гг. в Илейской долине на памятнике Самсы (Жамбылский р-н, Алма-тинская обл.) сотрудниками ТОО «Научно-экспериментальная практическая археология «НЭПА» проведены исследования 24 курганов на могильнике и трёх курганов¹ в 2 км западнее от него (рис. 1)². Из 24 изученных раскопками курганов пять определены как раннетюркские. В двух насыпях, № 4 и 17, обнаружены подбойные захоронения с конём. В курганный группе в насыпях № 1 и 3 совершены погребения в катакомбах с конём, в кургане № 2 выявлено два подбойных захоронения, совершённых по мусульманскому обычаю, и одно впускное. На могильнике в курганах № 5–6, 8–10 обнаружены подкурган-ные четырёхугольные ограды с групповыми захоронениями³.

В настоящей статье впервые в научный оборот вводятся результаты палеоантропологического изучения материалов из курганов № 3, 5, 9 памятника Самсы. Полученные данные являются логическим продолжением

ранее начатых междисциплинарных исследований, посвященных тюркским группам Юго-Восточного и Южного Казахстана (подробнее см.: Буранбаев и др., 2024; Жанузак и др., 2025; Амиров и др., 2025). Особенностью представленных результатов является то, что радиоуглеродное датирование погребений, выполненных по мусульманскому обряду, показало их хронологическое соответствие остальным ранее опубликованным тюркским захоронениям вышеуказанного памятника. В связи с этим все скелетные материалы объединены в одну серию, по которой впервые проведён межгрупповой анализ с привлечением данных синхронных групп Евразии для выявления особенностей её антропологического состава и направлений этногенетических связей.

Материалы и методика исследований

При подготовке статьи использовались общенаучные методы исследования – описательный, обобщающий, сравнительно-сопоставительный, сравнительно-исторический и аналитический. Скелетные останки людей изучены на базе лаборатории физической

антропологии Института археологии имени А.Х. Маргулана. Антропологические материалы представлены десятью скелетами разной степени сохранности. Комплексная диагностика пола и возраста погребённых, а также исследование черепов по краниометрической программе осуществлялись в соответствии с классическими методическими разработками (Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966). Оценка морфологических особенностей индивидуумов проводилась на основе индивидуальных характеристик с применением визуальнотипологического метода. Для межгруппового канонического анализа краниологических серий использовалась программа И.А. Гончарова Multican (Гончаров, Гончарова, 2016) и пакет статистических программ Statistica 11. Также выполнена статистическая оценка межгруппового сходства путём вычисления квадратов расстояния Махаланобиса с поправкой на численность. Для количественной оценки степени выраженности монголоидных особенностей в краниологической серии были использованы индекс уплощенности лицевого скелета (УЛС), преаурикулярный фациоцеребральный указатель (ПФЦ) и условная доля монголоидного элемента (УДМЭ) (Дебец, 1968, с. 13–22).

Результаты

Описание курганов. Курган № 3 до раскопок представлял собой земляную насыпь уплощённо-полусферической формы (диаметр 10 м, высота 0,5 м). Он был возведён над погребением эпохи бронзы. В ходе поздних подзахоронений, датируемых Средневековьем, ранняя могила оказалась разрушена. Всего здесь выявлено пять захоронений. Одно – эпохи бронзы, а следующие четыре – два грунтовых и два подбойных – датируются Средними веками. К поздним подзахоронениям относятся несохранившиеся остатки сырцовых конструкций. Особенности грунта не позволили проследить контуры могильных ям на уровне материка. Изменения в цвете и структуре, свидетельствующие о наличии могилы, фиксировались в придонной части могилы. В северо-западной и центральной частях кургана выявлены оплывшие развалы сырца. Такие же оплывы фиксировались на других курганах тюркского времени. В четырёх могилах кургана № 3 скелеты имеют очень плохую сохранность и непригодны для проведения измерений.

Могила № 5 находится в восточной части кургана (рис. 2). Ориентирована также по направлению северо-запад – юго-восток. Погребение совершено на глубине 1,5 м в подбое (1,7×0,6 м). Подбой был заложен сырцовыми кирпичами (25×13×5–6 см). Погребённый уложен на спине, лицо немного повернуто на юго-запад, обе руки уложены на животе (рис. 2: 2, 3). Инвентарь отсутствует. Скелет принадлежал мужчине 35–45 лет. Череп брахикранный при среднем продольном и большом поперечном диаметрах мозговой коробки. Высота свода от *ba* большая, от *po* определяется очень большой величиной. Лобная кость среднеширокая по наименьшей ширине и очень широкая – по наибольшей. Угол профиля лба от *n* большой. Основание черепа очень широкое. Лицевой скелет невысокий и очень широкий, в вертикальной плоскости ортогнатный. Нос платириный при большой ширине и средней высоте. Орбиты очень широкие и низкие, хамэкхонные по указателю. Горизонтальная профилировка лицевого скелета ослаблена на уровне орбит и умеренная на уровне скул.

Курган № 5 до раскопок также представлял земляную насыпь в виде невысокого всхолмления (диаметр 10 м, высота 0,3 м). Под насыпью, в восточной стороне кургана, обнаружены остатки плохо сохранившейся сырцовой стены. Сохранившаяся длина стены 7,8 м, толщина – 1,2 м. Вероятно, это остатки четырёхугольной ограды. Стена ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. В юго-западной части кургана обнаружено два погребения в подбоях.

Могила № 1 находится в западной части кургана. Могильная яма подпрямоугольной формы (2,5×0,6 м) ориентирована по линии ССЗ – ЮЮВ. С западной стороны расположен подбой (2,5×0,9 м), перекрытый сырцовой стенкой толщиной 0,25 м. Умерший уложен в вытянутом положении на спине головой на северо-запад. Голова повернута вправо, руки уложены на тазу (рис. 3: 2–3). Инвентарь отсутствует. Захоронение принадлежало мужчине 45–55 лет. Череп брахикранный при среднем продольном диаметре и широкой мозговой коробке. Лобная кость широкая по величине обоих признаков. Угол профиля лба от *n* малый. Основание черепа очень широкое и средневысокое. Затылочная кость также широкая. Лицевой скелет высокий, в вертикальной

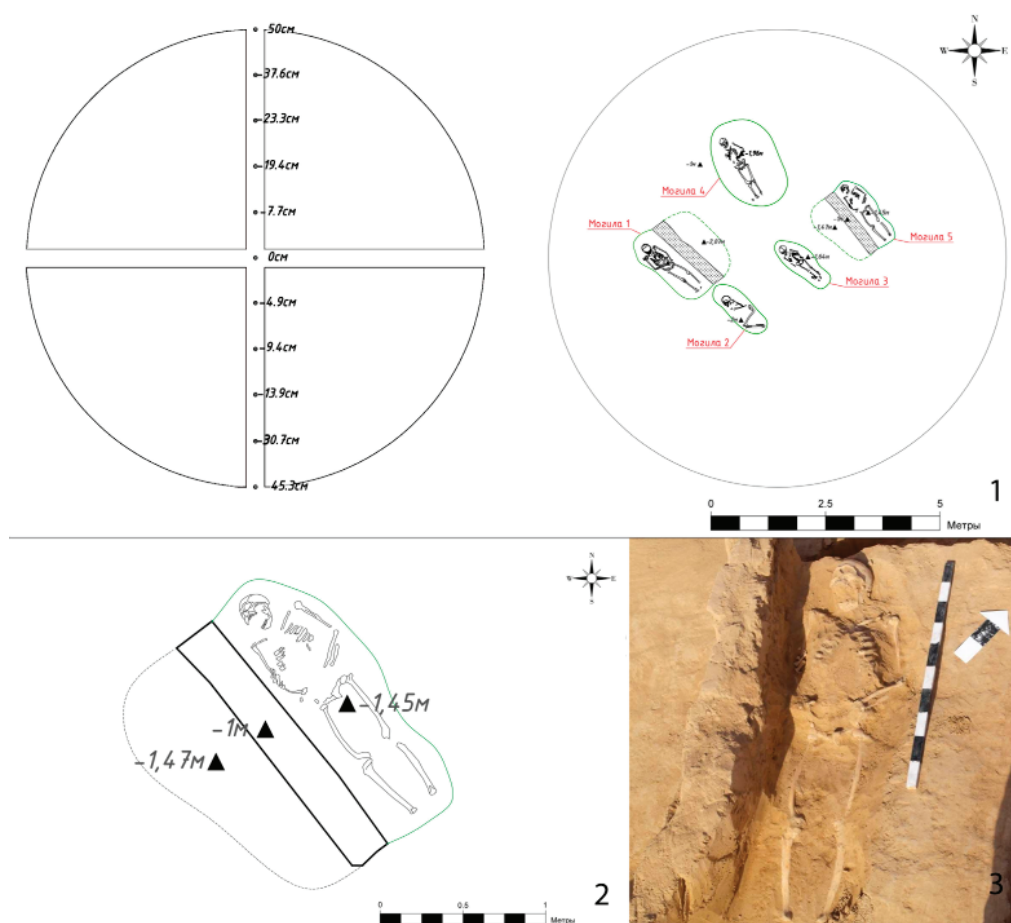

Рис. 2. Могильник Самсы. Курган № 3, могила 5.
Fig. 2. Samsy burial ground. Barrow No. 3, burial No. 5.

плоскости ортогнатный. Средняя ширина средняя, верхняя ширина и скуловой диаметр – в пределах очень больших величин. Нос лепторинный при средней ширине и очень большой высоте. Носовые кости средне выступают по отношению к вертикальной плоскости лица. Орбиты очень широкие и средневысокие, по пропорциям мезоконхные. В горизонтальной плоскости лицо сильно уплощено в верхнем ярусе при средней профилировке на зигмаксиллярном уровне.

Могила № 2 расположена восточнее первой. Могильная яма подпрямоугольной формы (1,7×0,6 м) ориентирована по линии СЗ – ЮВ. Подбой (1,8×0,7 м) также располагался с западной стороны и был заложен сырцовый стенкой толщиной 0,2 м. Умерший уложен на спине головой на ССЗ. Голова немного запрокинута назад и повернута вправо. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая уложена на таз (рис. 3: 4–5). Инвентарь отсутствует. Захоронение принадлежало женщине, возраст которой можно определить

категорией Senilis 55+. Череп мезокранный при средних значениях продольного и поперечного диаметров. Высотный диаметр от *po* характеризуется средним значением, тогда как высота от *ba* оценивается как средняя. Лобная кость среднеширокая в наименьшей ее ширине и широкая в наибольшей. Ширина затылка малая. Лицевой скелет высокий, в вертикальной плоскости ортогнатный. Значения трёх признаков, характеризующих ширину лицевого скелета, относятся к разным категориям: верхняя ширина – большая, скуловой диаметр – средний, средняя ширина – малая. Нос лепторинных пропорций при средней ширине и очень большой высоте. Орбиты широкие и средневысокие, по указателю мезоконхные. Горизонтальная профилировка лицевого скелета ослаблена на уровне орбит и умеренная на уровне скул.

Курган № 9 до раскопок представлял собой земляную насыпь полусферической формы с уплощённой вершиной (диаметр 11 м, высота 0,4 м). При раскопках обнаружены остат-

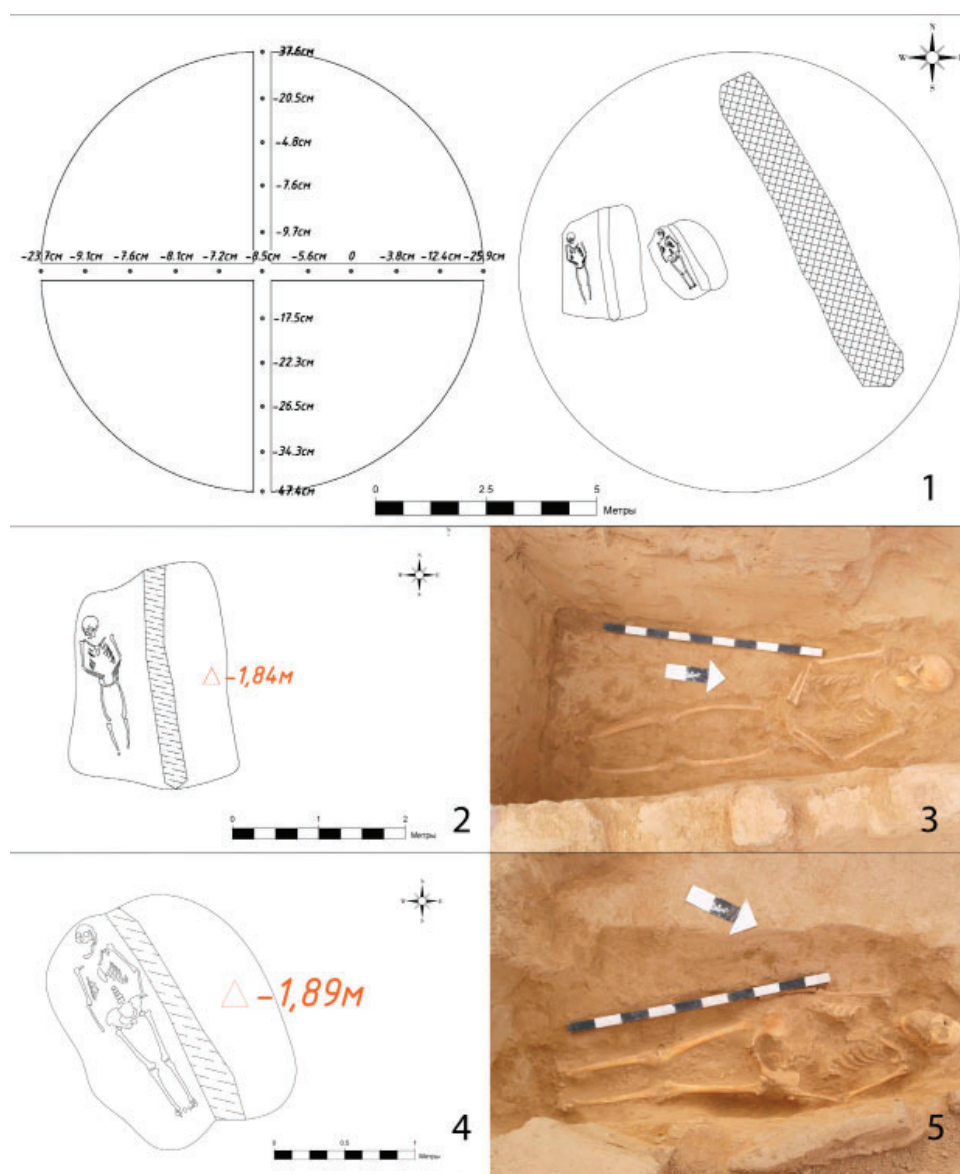

Рис. 3. Могильник Самсы. Курган № 5, могилы № 1–2.
Fig. 3. Samsy burial ground. Barrow No. 5, burials Nos. 1–2.

ки сырцовой ограды с толщиной стен 0,25 м, ориентированной углами по сторонам света. Частично сохранились юго-восточная, юго-западная и северо-западная стены ограды. Внутри (ограды) обнаружено две могилы в подбоях, заложённых сырцовыми кирпичами (рис. 4: 1).

Могилы № 1 расположена в юго-западной части кургана. Погребение совершено в грунтовой яме, над которой была сооружена надмогильная конструкция из сырцовых кирпичей, уложенных под углом, в виде саганы (1,9×0,7 м). Кости индивида очень плохой сохранности. Перекрытие покоилось на двух сырцовых продольных стенах. Умерший был уложен на спине головой на северо-

запад. Руки сложены в районе живота, левая немного выше правой. Инвентарь отсутствует.

Могилы № 2 расположена восточнее первой. Могильная яма подпрямоугольной формы (1,4×0,4 м) ориентирована по линии север-запад – юго-восток. Погребение совершено с юго-западной стороны в подбое (1,4×0,4 м), заложённом сырцовой стенкой толщиной 0,2 м. Умерший уложен на спину, головой на северо-запад. Череп немного приподнят с лёгким уклоном влево. Руки сложены на животе (рис. 4: 2–3). Инвентарь отсутствует. Захоронение принадлежало женщине 25–30 лет. Череп брахикранный при большом продольном и очень большом поперечном

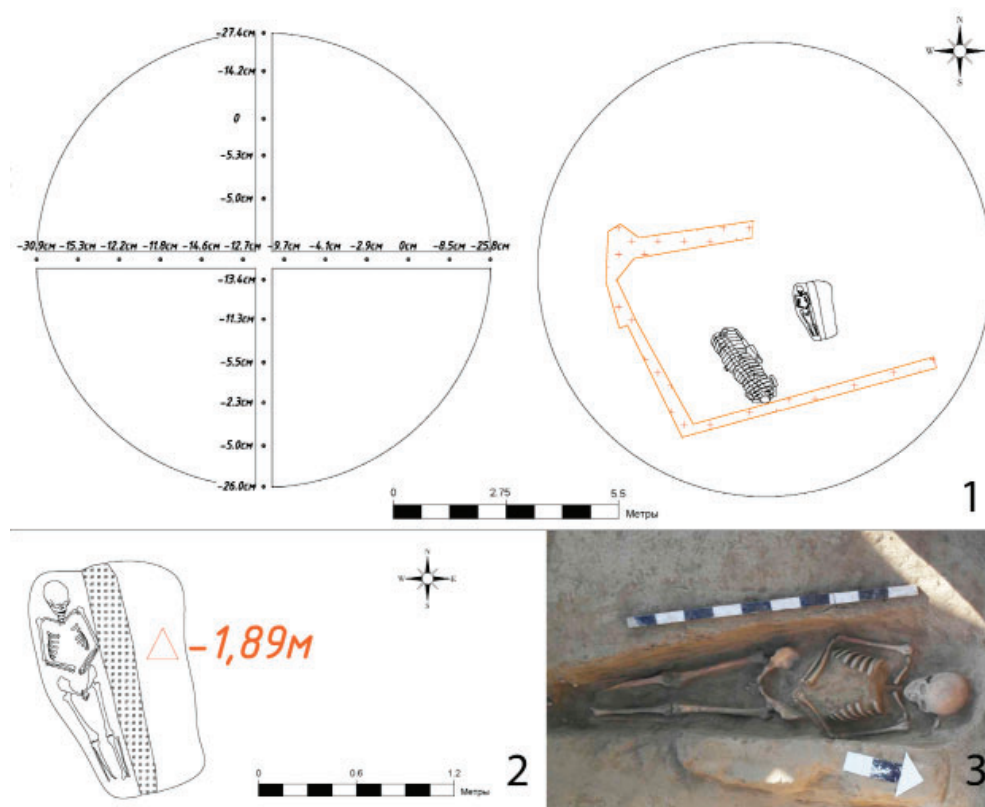

Рис. 4. Могильник Самсы. Курган № 9, могила № 2

Fig. 4. Samsy burial ground. Barrow No. 9, burial No. 2

диаметрах. Высотный диаметр от ва характеризуется большим значением. Лобная кость очень широкая по обоим признакам. Угол профиля лба от п большой. Основание черепа очень широкое. Затылочная кость также широкая. Лицевой скелет высокий, в вертикальной плоскости ортогнатный. Лицо характеризуется очень большой шириной по величине верхней и средней ширины. Нос широкий и высокий, по указателю мезоринный. Орбиты хамэконхных пропорций при очень большой ширине и средней высоте. Лицо уплощено по горизонтали на обоих уровнях.

С этого погребения получены данные по радиоуглеродному анализу (табл. 1, рис. 5)⁴. Определение возраста образцов (кость) и расчёты калиброванных дат выполнены

в лаборатории Центра физических наук и технологий (г. Вильнюс, Литва). Радиоуглеродная дата указывает на период конца VIII – начало XI в. Наибольшие показатели вероятности по сигме 2 (69,5%) приходятся на вторую половину X – начало XI в.

Описание антропологического материала. Краниологическая серия тюркского времени из памятника Самсы состоит из шести мужских и четырёх женских черепов хорошей степени сохранности. Индивидуальные краниометрические характеристики приводятся в таблицах 2 и 3. Мужским черепам характерна брахикrania при среднем продольном, высотном и большом поперечном размерах черепной коробки. Лоб широкий по наименьшей и наибольшей ширине. Основание черепа очень

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного анализа

Table 1. Radiocarbon dating results

Название памятника	Шифр лаборатории	¹⁴ C BP	Калиброванные значения, гг.		pMC*
			1σ (68,3%)	2σ (95,4%)	
Могильник Самсы. Курган 9, могила 2 (кость человека)	FTMC-PT83-28	1073±30	900–918 (17,4%)	892–932 (26,0%)	87.49±0.33
			973–1020 (50,8)	941–1025 (69,5%)	
			Cal AD	Cal AD	

Примечание: *pMC (percentagemoderncarbon) – текущий процент углерода.

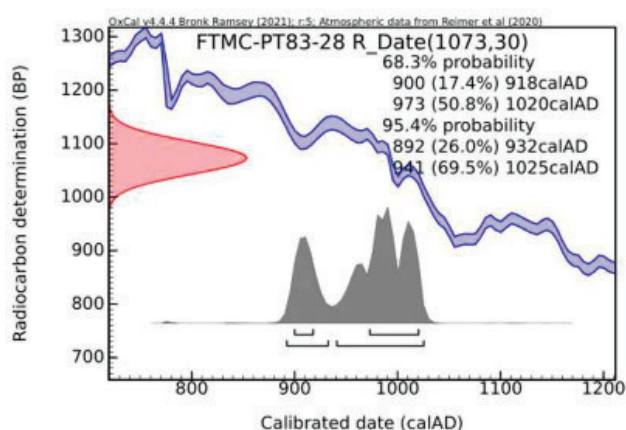

Рис. 5. Могильник Самсы, курган № 9, могила № 2.
Результаты радиоуглеродного датирования.

Fig. 5. Samsy burial ground, Barrow No. 9, burial No. 2.
Radiocarbon dating results.

широкое. Значение горизонтальной окружности через *orh* в категории больших величин. Лицо ортогнатное, в горизонтальной плоскости на уровне назиона выступает слабо, а на уровне зигомаксиллярных точек – средне. Значения двух признаков из трёх, характеризующих ширину лицевого отдела, попадают в разряд очень больших размеров. Средняя ширина лица большая. Орбиты очень широ-

кие и высокие, по указателю мезоконхные. Носовые кости широкие и очень высокие, по указателю лепторинные, в профиль выступают средне. Клыковая ямка неглубокая. Обобщённая характеристика мужской части серии в целом свидетельствует о смешанном антропологическом типе, с наличием индивидуумов, у которых преобладают либо европеоидные, либо монголоидные морфологические черты.

Женские черепа также характеризуются брахикранной формой мозговой коробки, с умеренным продольным и выраженным поперечным диаметром. Лоб среднеширокий по наименьшей и широкий по наибольшей ширине. Лицевой отдел высокий, широкий, в вертикальной плоскости ортогнатный. Орбиты очень широкие и средневысокие, по указателю мезоконхные. Носовые кости лепторинных пропорций, среднеширокие и высокие. Клыковая ямка неглубокая. Горизонтальная профилировка ослаблена на обоих уровнях. В целом женские черепа практически дублируют представление о неоднородности, которая прослеживается на мужской выборке. Однако в женской части серии визуально наблюдается тенденция к усилению монголоидных черт.

Таблица 2. Краниометрические характеристики мужских черепов
Table 2. Craniometric parameters of male skulls

Мозговой отдел	Кург. группа Самсы, K2, M2	Кург. группа Самсы, K3, катакомба	Мог. Самсы, K4	Кург. группа Самсы, K17	Мог. Самсы, K5, м1.	Мог. Самсы, K3, м5	М
	35–45 лет	40–45 лет	35–45 лет	35–45 лет	45–55 лет	35–45 лет	
1. Продольный диаметр	178,0	183,0	176,0	175,0	182,0	181,0	179,2 (6)
1в. Продольный диаметр от <i>orh</i>	176,0	182,0	177,0	174,0	180,0	180,0	178,2 (6)
8. Поперечный диаметр	141,0	147,0	149,0	152,0	146,0	149,0	147,3 (6)
17. Высотный диаметр b-br	132,5	-	127,0	130,0	136,0	137,0	132,5 (5)
20. Ушная высота	-	-	112,0	113,0	-	122,0	115,7 (3)
5. Длина основания черепа	103,0	-	98,0	99,0	102,0	101,0	100,6 (5)
40. Длина основания лица	96,5	-	91,0	92,5	97,0	100,5	95,5 (5)
9. Наименьшая ширина лба	100,5	97,0	103,0	100,5	102,0	97,0	100,0 (6)
10. Наибольшая ширина лба	120,0	125,0	130,0	129,5	120,5	127,5	125,4 (6)
11. Ширина основания черепа	-	-	137,0	132,5	135,0	138,0	135,6 (4)
12. Ширина затылка	107,0	-	119,0	112,0	112,0	115,0	113,0 (4)
23а. Горизонт. окружность	519,0	-	523,0	525,0	521,0	529,0	523,4 (5)
24. Поперечная дуга	-	-	315,0	320,0	324,0	326,0	321,3 (4)
25. Сагиттальная дуга	365,0	-	-	360,0	386,0	378,0	372,3 (4)
26. Лобная дуга	125,0	134,0	129,0	131,0	117,0	131,0	127,8 (6)
27. Теменная дуга	116,0	-	-	120,0	121,0	132,0	122,3 (4)
28. Затылочная дуга	121,0	-	-	104,0	147,0	112,0	121,0 (4)
29. Лобная хорда	112,5	116,0	113,5	110,0	106,5	113,5	112,0 (6)
30. Теменная хорда	105,0	-	-	112,0	108,5	117,0	110,6 (4)

31. Затылочная хорда	102,0	-	-	86,0	118,0	88,0	98,5 (4)
Высота изгиба лба	22,0	25,5	28,5	29,3	19,0	25,0	24,9 (6)
Высота изгиба затылка	28,0	-	-	24,0	-		26,0 (2)
Верхнелицевой отдел							
43. Верхняя ширина лица	110,5	110,5	113,5	105,0	118,0	108,0	110,9 (6)
45. Скуловой диаметр	142,0	135,0	144,5	139,0	146,0	146,0	142,1 (6)
46. Средняя ширина лица	108,0	96,5	105,0	99,0	94,0	105,0	101,3 (6)
47. Полная высота лица	123,5	122,0	127,0	-	126,0	119,0	123,5 (5)
48. Верхняя высота лица	79,0	75,5	80,0	69,5	82,0	72,0	76,3 (6)
51. Ширина орбиты	44,0	48,0	47,5	41,5	46,0	45,0	45,3 (6)
51a. Ширина орбиты от d.	-	-	-	-	43,5	-	-
52. Высота орбиты	36,0	36,0	42,0	36,0	35,0	33,0	36,3 (6)
54. Ширина носа	28,5	26,5	27,0	26,0	24,5	28,0	26,8 (6)
55. Высота носа	61,0	58,0	62,0	52,0	58,0	52,5	57,3 (6)
60. Длина альвеол. дуги	50,0	54,0	57,0	50,0	54,0	62,0	54,5 (6)
61. Ширина альвеол. дуги	67,0	65,0	68,0	62,5	67,5	70,0	66,7 (6)
62. Длина нёба	44,0	46,0	43,0	41,0	47,0	53,0	45,7 (6)
63. Ширина нёба	40,5	43,0	43,0	40,0	-	-	41,6 (4)
Ss. Симотическая высота	6,0	3,5	2,5	2,5	4,0	5,0	3,9 (6)
Sc. Симотическая ширина	11,5	7,0	9,0	7,5	9,0	10,0	9,0 (6)
Ms. Максиллофронт. выс.	18,5	6,0	5,0	-	7,0	7,0	8,7 (5)
Mc. Максиллофронт. шир.	20,0	14,0	19,5	-	17,5	21,0	18,4 (5)
FC. Глубина клыковой ямки	2,0	4,5	4,5	6,0	4,0	4,5	4,3 (6)
Нижняя челюсть							
65. Мыщелковая ширина	125,0	126,5	136,5	-	132,0	131,5	130,3 (5)
66. Угловая ширина	108,0	101,0	111,0	-	128,0	110,0	111,6 (5)
67. Передняя ширина	50,0	48,0	49,0	-	51,0	52,0	50,0 (5)
69. Высота симфиза	35,5	35,0	32,5	-	33,5	35,0	34,3 (5)
69/1. Высота тела	34,0	35,0	32,0	-	33,5	33,0	33,5 (5)
69/3. Толщина тела	15,0	10,5	13,5	-	15,0	13,5	13,5 (5)
71a. Ширина ветви	35,0	32,0	34,0	-	41,5	37,5	36,0 (5)
C. У. выступания подбородка	64,0	67,0	77,0	-	66,0	79,0	70,6 (5)
Угловые размеры							
32. Угол профиля лба от п.	-	-	78,0	84,0	76,0	84,0	80,5 (4)
Угол профиля лба от gl.	-	-	74,0	79,0	72,0	76,0	75,3 (4)
72. Общий лицевой угол			89,0	89,0	88,5	86,0	88,1 (4)
73. Средний лицевой угол	-	-	91,0	90,0	81,5	88,0	87,6 (4)
74. Угол альвеолярной части	-	-	77,0	83,0	91,0	77,0	82,0 (4)
75. Угол наклона носовых костей	-	-	67,0	-	61,0	58,0	62,0 (3)
75/1. Угол выступания носа	-	-	22,0	-	27,5	28,0	25,8 (4)
77. Назомаллярный угол	143,0	147,0	146,0	145,0	149,0	146,0	146,0 (6)
Zm. Зигмаксилл. угол	133,0	132,0	138,0	129,0	135,0	132,0	133,2 (6)
УПИЛ У. попер. изг. лба	142,0	141,0	143,0	-	145,0	-	142,8 (4)
Указатели							
8/1. Черепной	79,2	80,3	84,7	86,9	80,2	82,3	82,3 (6)
17/1. Высотно-продольный	74,4	-	72,2	74,3	74,7	75,7	74,3 (5)
17/8. Высотно-поперечный	94,0	-	85,2	85,5	93,2	91,9	90,0 (5)
20/1. Высотно-прод. от р.	-	-	63,6	64,6	-	67,4	65,2 (3)
20/8. Высотно-попер. от р.	-	-	75,2	74,3	-	81,9	77,1 (3)
9/8. Лобно-поперечный	71,3	66,0	69,1	66,1	69,9	65,1	67,9 (6)
9/43. Фронтально-маллярный	91,0	87,8	90,7	95,7	86,4	89,8	90,2 (6)
40/5. Угол выступания лица	93,7	-	92,9	93,4	95,1	99,5	94,9 (5)
48/45. Верхнелиц. ук.	55,6	55,9	55,4	50,0	56,2	49,3	53,7 (6)
47/45. Общий лицевой	87,0	90,4	87,9	-	86,3	81,5	86,6 (5)
52/51. Орбитный	81,8	75,0	88,4	86,7	76,1	73,3	80,2 (6)
54/55. Носовой	46,7	45,7	43,5	50,0	42,2	53,3	46,9 (6)
Ss/Sc. Симотический	52,2	50,0	27,8	33,3	44,4	50,0	43,0 (6)

Форма и рельеф						
Надпер. (1–6)	3	4	2	2	3	2
Надбр.дуги (1–3)	1	2	1	1	2	2
Затыл.бугор (0–5)	3	-	2	2	2	3
Сосц.отросток (1–3)	2	1	2	2	1	2
Пер.-нос.ость (1–5)	2	4	1	2	3	5

Таблица 3. Краниометрические характеристики женских черепов
Table 3. Craniometric parameters of female skulls

Мозговой отдел	Кург. группа, K1	Кург. группа Самсы, K2, M3	Мог. Самсы, курган № 5, могила 2	Мог. Самсы, курган № 9, могила 2	М
	45–55 лет	30–35 лет	senilis, 55+	25–30 лет	
1. Продольный диаметр	179,0	164,0	178,0	181,0	175,5 (4)
1в. Продольный диаметр от орh	172,0	163,0	178,0	181,0	173,5 (4)
8. Поперечный диаметр	140,0	143,0	142,0	150,0	143,8 (4)
17. Высотный диаметр b-br	128,5	134,0	136,0	133,0	132,9 (4)
20. Ушная высота	111,0	117,0	120,0	-	116,0 (3)
5. Длина основания черепа	98,0	96,0	99,0	97,0	97,5 (4)
40. Длина основания лица	93,0	90,5	95,0	94,0	93,1 (4)
9. Наименьшая ширина лба	90,5	91,5	97,0	101,0	95,0 (4)
10. Наибольшая ширина лба	119,5	120,0	123,5	130,0	123,3 (4)
11. Ширина осн. черепа	131,0	121,5	129,5	127,0	127,3 (4)
12. Ширина затылка	111,0	110,0	103,0	110,0	108,5 (4)
23а. Горизонт. окружность	509,0	491,0	518,0	530,0	512,0 (4)
24. Поперечная дуга	304,0	322,0	328,0	330,0	321,0 (4)
25. Сагиттальная дуга	348,0	351,0	373,0	380,0	363,0 (4)
26. Лобная дуга	124,0	127,0	128,0	130,0	127,3 (4)
27. Теменная дуга	110,0	117,0	131,0	128,0	121,5 (4)
28. Затылочная дуга	110,0	105,0	111,0	118,0	111,0 (4)
29. Лобная хорда	109,5	113,0	114,0	110,5	111,8 (4)
30. Теменная хорда	102,0	103,0	119,5	115,0	109,9 (4)
31. Затылочная хорда	92,0	91,0	96,0	96,0	93,8 (4)
Высота изгиба лба	25,5	26,0	27,0	30,0	27,1 (4)
Высота изгиба затылка	28,5	24,0	25,0	31,0	27,1 (4)
Верхнелицевой отдел					
43. Верхняя ширина лица	100,0	102,5	108,0	108,0	104,6 (4)
45. Скуловой диаметр	135,5	128,0	132,0	131,0	131,6 (4)
46. Средняя ширина лица	101,5	96,0	94,0	102,0	98,4 (4)
47. Полная высота лица	-	112,5	-	115,0	113,8 (2)
48. Верхняя высота лица	69,5	66,0	78,0	71,0	71,1 (4)
51. Ширина орбиты	42,5	43,0	43,0	43,5	43,0 (4)
51а. Ширина орбиты от d.	-	-	-	-	-
52. Высота орбиты	39,0	33,0	34,0	33,0	34,8 (4)
54. Ширина носа	25,0	23,0	25,0	26,0	24,8 (4)
55. Высота носа	57,5	48,0	57,0	52,0	53,6 (4)
60. Длина альвеол. дуги	49,0	54,0	-	50,0	51,0 (3)
61. Ширина альвеол. дуги	62,0	62,5	61,0	66,0	62,9 (4)
62. Длина нёба	41,0	46,5	-	-	43,8 (2)
63. Ширина нёба	-	41,5	-	-	-
Ss. Симотическая высота	2,5	2,4	2,5	1,0	2,1 (4)
Sc. Симотическая ширина	6,0	5,5	9,0	8,5	7,3 (4)
Ms. Максиллофронт. выс.	5,0	5,5	6,0	3,5	5,0 (4)
Mc. Максиллофронт. шир.	13,0	15,0	18,0	19,0	16,3 (4)
FC. Глубина клыковой ямки	2,5	5,5	3,0	2,0	3,3 (4)

Нижняя челюсть					
65. Мыщелковая ширина	125,0	111,0	123,0	119,0	119,5
66. Угловая ширина	106,0	95,0	98,0	99,0	99,5
67. Передняя ширина	52,5	44,5	44,0	47,0	47,0 (4)
69. Высота симфиза	28,0	32,0	36,0	32,0	32,0 (4)
69/1. Высота тела	-	32,5	36,0	32,0	33,5 (3)
69/3. Толщина тела	10,5	12,0	12,5	10,5	11,4 (4)
71a. Ширина ветви	31,5	35,0	34,0	32,5	33,3 (4)
C. Угол выступания подбородка	54,0	66,0	77,0	67,0	66,0 (4)
Угловые размеры					
32. Угол профиля лба от п.	80,0	81,0	85,0	90,0	84,0 (4)
Угол профиля лба от gl.	75,0	76,0	80,0	83,0	78,5 (4)
72. Общий лицевой угол	87,0	87,0	87,0	89,0	87,5 (4)
73. Средний лицевой угол	89,0	90,0	90,0	95,0	91,0 (4)
74. У. альвеолярной части	80,0	80,0	78,0	76,0	78,5 (4)
75. У. наклона нос.костей	61,0	67,0	71,0	76,0	68,8 (4)
75/1. У.выступания носа	26,0	20,0	-	-	23,0 (2)
77. Назомаллярный у.	153,0	145,0	146,0	153,0	149,3 (4)
Zm. Зигомаксил. у.	136,0	134,0	134,0	144,0	137,0 (4)
УПИЛ. У. попер. изг. лба	148,0	145,0	145,0	143,0	145,3 (4)
Указатели					
8/1. Черепной	78,2	87,2	79,8	82,9	82,0 (4)
17/1. Высотно-продольный	71,8	81,7	76,4	73,5	75,8 (4)
17/8. Высотно-поперечный	91,8	93,7	95,8	88,7	92,5 (4)
20/1. Высотно-прод. от р.	62,0	71,3	67,4	-	66,9 (3)
20/8. Высотно-попер. от р.	79,3	81,8	84,5	-	81,9 (3)
9/8. Лобно-поперечный	64,6	64,0	68,3	67,3	66,1 (4)
9/43. Фронтально-маллярный	90,5	89,3	89,8	93,5	90,8 (4)
40/5. У. выступания лица	94,9	94,3	96,0	96,9	95,5 (4)
48/45. Верхнелиц. ук.	51,3	51,6	59,1	54,2	54,0 (4)
47/45. Общий лицевой	-	87,9	-	87,8	87,8 (2)
52/51. Орбитный	91,8	76,7	79,1	75,9	80,9 (4)
54/55. Носовой	43,5	47,9	43,9	50,0	46,3 (4)
Ss/Sc. Симотический	41,7	43,6	27,8	11,8	31,2 (4)
Форма и рельеф					
Надпер. (1–6)	2	2	2	1	
Надбр. дуги (1–3)	1	1	1	1	
Затыл. бугор (0–5)	2	2	2	2	
Сосц. отросток (1–3)	1	1	2	1	
Пер.-нос. ость (1–5)	1	4	2	1	

Показатели индекса уплощенности лицевого скелета (УЛС), преаурикулярно фациоцеребрального указателя (ПФЦ) и условной доли монголоидного элемента (УДМЭ) в мужской и женской выборках демонстрируют близкие значения при незначительных различиях по степени выраженности монголоидного компонента. В мужской серии значения УЛС (63,6), ПФЦ (94,2) и УДМЭ (68,1) указывают на смешанный состав с умеренным проявлением монголоидных черт. В женской серии показатели уплощенности несколько выше (УЛС = 73,5; ПФЦ = 92,5; УДМЭ = 70,6), что может отражать слегка более выраженные монголоидные признаки по сравнению с мужской

частью выборки. С учётом небольшого размера серии полученные данные рассматриваются как предварительные и позволяют предположить присутствие в группе смешанных европеоидно-монголоидных элементов. Необходимо отметить, что метисационные признаки прослеживаются у большинства изученных раннесредневековых групп, обитавших на территории Казахстана и сопредельных регионов.

На некоторых мужских и женских черепках фиксируются следы непреднамеренной «бешиковой» деформации. В частности, можно отметить наличие затылочного, асимметричного (правостороннее) затылочного и

затылочного-теменного уплощения. Подобные изменения форм мозговой коробки, вероятно, связаны с длительным пребыванием младенца в колыбели типа «бешик», характеризующейся плотной фиксацией тела и головы, что способствовало развитию деформации черепа.

Обсуждение

На памятнике Самсы в двух насыпях № 4 и 17 индивидуумы обнаружены в подбоях с конями во входной могильной яме. В курганной группе в насыпях № 1 и 3 погребения совершены в катакомбах с конём, в кургане № 2 – индивидуумы захоронены по мусульманскому обычаю, одно из которых с личными женскими украшениями. Курганы по результатам радиоуглеродного анализа и характеру погребального обряда датируются в рамках VIII–X вв. (Шагирбаев и др., 2024, с. 257, табл. 1; Буранбаев и др., 2024, с. 142–143).

В курганах № 3, 5, 9 погребальный инвентарь отсутствует. Курганы с четырёхугольными оградками с захоронениями, совершёнными по мусульманскому обряду, известны в Южном и Центральном Казахстане (Агеева, Пацевич, 1955, с. 49–50; Кукушкин и др., 2019, с. 20). Подобные курганы имеют место среди археологических памятников тюркского населения степей Западной Сибири конца I – начала II тыс. (Могильников, 1999, с. 64). Подкуранные сырцовые ограды с саганой зафиксированы на могильнике Котыртас (Кукушкин и др., 2019, с. 22, рис. 3, 4, 6). Погребение в могиле № 2 кургана № 9 датируется серединой – второй половиной X – началом XI в. Принятие ислама в качестве государ-

ственной религии при Караханидах в 960 г. привело к изменению погребального обряда и появлению новых типов погребальных сооружений, таких как подкуранные четырёхугольные ограды из сырцового кирпича.

Несмотря на небольшое количество черепов в серии, мы сочли возможным провести межгрупповой анализ мужской выборки памятника Самсы с целью выявления направлений этногенетических связей тюркского населения Жетысу. Сравнение осуществлено на фоне синхронных популяций степных и предгорных регионов Евразии, а также долинно-оазисных территорий Средней Азии. Для сравнения привлечены серии, датируемые в пределах VII–XII вв., представленные в таблице 4. Канонический анализ проводился по 11 признакам⁵, по результатам которого информативными оказались I и II канонические векторы (далее – КВ), отражающие 41% и 19% общей изменчивости (табл. 5). Максимальные нагрузки по КВ I получили высотный и скуловой диаметры, зигомаксиллярный угол. По КВ II группы разграничиваются по поперечному диаметру.

Рассматривая результаты анализа на графике (рис. 6), можно отметить, что в зоне нулевых и положительных значений КВ I находятся в основном тюркские серии с территории Казахстана, Горного Алтая и Южной Сибири. Эти серии имеют смешанный характер, в составе которых в разной степени выражен монголоидный компонент. В зоне отрицательных значений представлены европеоидные серии, главным образом происходящие

Таблица 4. Мужские серии, использованные для межгруппового анализа
Table 4. Male samples used for intergroup analysis

№	Серии	Территория	Авторы
1	Могильник Самсы, VIII–XI вв.	Жетысу, Казахстан	Настоящая публикация
2	Тюрки Жетысу, VI–VIII вв.	Жетысу, Казахстан	Исмагулов, 1968
3	Тюрки Павлодарского Прииртышья, VII–IX вв.	Павлодарское Прииртышье	Исмагулов, 1969
4	Тюрки Павлодарского Прииртышья, X–XII вв.	Павлодарское Прииртышье	Исмагулов, 1969
5	Кимако-кыпчакское население Среднего Иртыша, X–XII вв.	Павлодарское Прииртышье	Комаров, Китов 2016
6	Кимаки Восточного Казахстана VIII–X вв.	Восточный Казахстан, Прииртышье	Гинзбург, Трофимова 1972
7	Тюрки Северо-Западного Алтая, VIII–X вв.	Бассен реки Алей, Северо-Западный Алтай	Алексеев, Мамонова 1988
8	Тюрки Горного Алтая, VI–X вв.	Центральные и южные районы Горного Алтая	Поздняков, 2001
9	Тюрки Южной Сибири, VII–XI вв.	Южная Сибирь, Минусинск	Гинзбург, Трофимова 1972

10	Тюрки Чуйской долины, VII–IX вв. (гор. Ак-Бешим)	Чуйская долина, Кыргызстан	Миклашевская, 1959
11	Тюрки Тянь-Шаня VI–XIII вв. (сборная серия)	Кыргызстан	Миклашевская, 1959
12	Карлуко-караханидское время (Кыргызстан) X–XIII вв.	Кыргызстан	Миклашевская, 1959
13	Население Краснореченского городища, VII–X вв.	Чуйская долина, Кыргызстан	Тур, 1989
14	Караханидский могильник на Краснореченском городище, XI–XII вв.	Чуйская долина, Кыргызстан	Гинзбург, Зезенкова 1952
15	Население Миздахкана IX–XII вв.	Хорезм, Каракалпакстан, Узбекистан	Ягодин, Ходжайов, 1970
16	Материалы из могильника Ток-Кала, IX–XI вв.	Хорезм, Каракалпакстан, Узбекистан	Рысناзаров, 1965
17	Наусы Пенджикента, Согд, VII–VIII вв.	Согд, Таджикистан	Гинзбург, 1953
18	Городское население Уструшаны, VII–VIII вв.	Уструшана, Таджикистан	Кияткина, 1976
19	Тюрки Тохаристана, VII–VIII вв.	Пяндж, Таджикистан	Кияткина, 1992
20	Население Волжской Булгарии, IX–X вв. (объединённая серия Танкеевского могильника)	Среднее Поволжье, Татарстан	Газимзянов, 2018
21	Население Хазарского Каганата, Саркел, малый курган, X–XII вв.	Нижний Дон	Гинзбург, 1951
22	Население Хазарского Каганата, Саркел, большой курган, X–XII вв.	Нижний Дон	Гинзбург, 1951
23	Кочевники огузо-печенежского времени Волго-Донья (сборная серия), X–XI вв.	Волго-Донской регион	Балабанова, 2024

с территории Среднеазиатского междуречья – Хорезма, Согда и Тохаристана. Здесь же расположены некоторые выборки с территории современного Кыргызстана и особняком стоят жители Волжской Булгарии IX–X вв. и население Хазарского каганата из большого кургана Саркела (X–XII вв.)⁶. По КВ II в зоне нулевых и отрицательных значений находятся черепа как европеоидного, монголоидного, так и смешанного облика, имеющие относительно широкую черепную коробку. Первый канонический вектор отражает основное различие между европеоидными и монголоидными характеристиками. Например, такие европеоидные серии, как городское население Уструшаны (VII–VIII вв.), материалы из некрополей Миздахкана (IX–XII вв.) и Ток-Калы (IX–XI вв.), находятся в зоне отрицательных величин, а в правой части графика расположены серия из памятника Самсы, тюркские группы Жетысу (VI–VIII вв.), Алтая (VI–X вв.), и карлуко-караханидские серии (VI–XIII вв.) с территории современного Кыргызстана.

Наибольшую близость по расстоянию Махаланобиса к серии из Самсы имеют кимак Восточного Казахстана VIII–X вв. (0,9)⁷, тюрки Южной Сибири VII–XI вв. (1,1), тюрки Горного Алтая (1,6) и сборная серия тюркских групп Тянь-Шаня VI–XIII вв. (Кыргызстан)

Таблица 5. Нагрузки на канонические вектора
Table 5. Canonical vector loading

№ признака по Мартину	КВ I	КВ II
1	-0,01	-0,46
8	-0,26	0,81
17	-0,63	0,04
9	0,06	-0,23
45	0,67	0,09
48	0,44	-0,05
55	-0,03	0,12
54	-0,12	-0,19
52	-0,22	0,34
ss	-0,22	0,47
zm	0,55	-0,10
Собственное значение	17,73	8,07
% объясняемой изменчивости	41	19

(1,1). К группе из Самсы также проявляют близость кимако-кыпчакские серии из Прииртышья, при этом наибольшая степень сходства фиксируется с выборкой X–XII вв., тогда как серия VII–IX вв. демонстрирует меньшую близость. По заключению О.И. Исмагулова, монголоидный компонент в этих сериях выражен слабо и в большей мере присутствует в материалах X–XII вв. Исследователь также отмечает, что физический облик населения Казахстана в тюркское время в ряде случаев демонстрировал сходство с антропологиче-

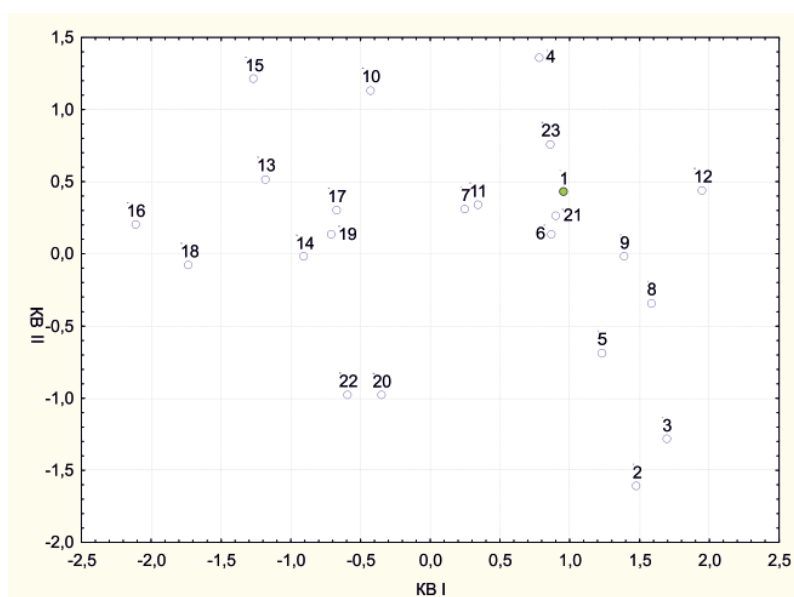

Рис. 6. Распределение мужских серий в пространстве канонических векторов: 1 – могильник Самсы, VIII–XI вв.; 2 – тюрки Жетысу, VI–VIII вв.; 3 – тюрки Павлодарского Прииртышья, VII–IX; 4 – тюрки Павлодарского Прииртышья, X–XII; 5 – кимако-кыпчакское население Среднего Иртыша, X–XII вв.; 6 – кимаки Восточного Казахстана, VIII–X вв.; 7 – тюрки Северо-Западного Алтая, VIII–X вв.; 8 – тюрки Горного Алтая, VI–X вв.; 9 – тюрки Южной Сибири, VII–XI вв.; 10 – тюрки Чуйской долины, VII–IX вв.; 11 – тюрки Тянь-Шаня, сборная серия, VI–XIII вв.; 12 – карлуко-караханидское время, X–XIII вв. (Кыргызстан); 13 – население Краснореченского городища VII–X вв.; 14 – Караханидский могильник на Краснореченском городище, XI–

XII вв.; 15 – население Миздахкана, IX–XII вв.; 16 – материалы из могильника Ток-Кала, IX–XI вв.; 17 – наусы Пенджикента, Согд, VII–VIII вв.; 18 – городское население Уструшаны, VII–VIII вв.; 19 – тюрки Тохаристана, VII–VIII вв.; 20 – население Волжской Булгарии, IX–X вв. (объединённая серия Танкеевского могильника); 21 – население Хазарского Каганата, Саркел, малый курган, X–XII вв.; 22 – население Хазарского Каганата, Саркел, большой курган, X–XII вв.; 23 – кочевники огузо-печенежского времени Волго-Донья, сборная серия, X–XI вв.

Fig. 6. Spatial distribution of male series along the canonical vectors: 1 – Samsy burial ground, 8th–11th centuries; 2 – Zhetysu Turks, 7th–8th centuries; 3 – Turks of the Pavlodar Irtysh region, 7th–9th centuries; 4 – Turks of the Pavlodar Irtysh region, 10th–12th centuries; 5 – Kimak–Kipchak population of the Middle Irtysh, 10th–12th centuries; 6 – Kimaks of Eastern Kazakhstan, 8th–10th centuries; 7 – Turks of Northwestern Altai, 8th–10th centuries; 8 – Turks of the Altai Mountains, 6th–10th centuries; 9 – Turks of Southern Siberia, 7th–11th centuries; 10 – Turks of the Chu Valley, 7th–9th centuries; 11 – Turks of the Tian Shan, combined series, 6th–11th centuries; 12 – Karluk–Karakhanid period, 10th–13th centuries (Kyrgyzstan); 13 – Population of the Krasnorechensk settlement, 7th–10th centuries; 14 – Karakhanid burial ground at Krasnorechensk fortified settlement, 11th–12th centuries; 15 – Population of Mizdahkan, 9th–12th centuries; 16 – Materials from Tok-Kala burial ground, 9th–11th centuries; 17 – Nauses of Panjakent, Sogd, 7th–8th centuries; 18 – Urban population of Ustrushana, 7th–8th centuries; 19 – Turks of Tokharistan, 7th–8th centuries; 20 – Population of Volga Bulgaria, 9th–10th centuries (combined series from Tankeev burial ground); 21 – Population of the Khazar Khaganate, Sarkel, small barrow, 10th–12th centuries; 22 – Population of the Khazar Khaganate, Sarkel, large barrow, 10th–12th centuries; 23 – Nomads of the Oghuz–Pecheneg period of the Volga–Don region, 10th–11th centuries

ским типом населения Алтая и Кыргызстана (Исмагулов, 1969, с. 89–90). Полученные нами данные подтверждают данный тезис, демонстрируя «восточное» направление этногенетических связей тюрков Жетысу и их антропологическое сходство с населением сопредельных районов Тянь-Шаня.

Представляет интерес выявление морфологических связей исследуемой выборки с краниологической серией кочевников огузо-печенежского времени (X–XI вв.) Волго-Донья (0,9), а также с материалами Саркела (X–XII вв.) Хазарского каганата (1,1), представляющими собой наиболее западную группу в пределах географического распределения популяций тюркского периода, охваченных настоящим исследованием. По данным

М.А. Балабановой, огузо-печенежские серии по своим морфологическим характеристикам близки материалам тюркского времени Тывы, а также кимакским и тюркским группам Казахстана. Наблюдаемая связь, вероятно, обусловлена общими южносибирскими корнями, лежащими в основе этногенеза огузо-печенегов и других тюркских популяций (Балабанова, 2024, с. 29). Анализируя краниологические материалы из большого и малых курганов хазарского городища Саркел, В.В. Гинзбург отметил существенные различия в антропологическом составе погребённых. В малых курганах выявлены черепа, принадлежащие представителям монголоидной группы, морфологически близкой к южносибирскому типу. Учитывая получен-

ные данные, исследователь предположил, что данная монголоидная группа могла представлять кочевые племена – печенегов или половцев, проникших на территорию Нижнего Дона из Центральной Азии (Гинзбург, 1951, с. 372).

Примечательно, что выборка из памятника Самсы несколько отличается от сборной серии тюрков Жетысу (VI–VIII вв.), происходящих из различных районов Алматинской области. Единственным признаком, разграничивающим группы по КВ II, как показано на графике (рис. 6), является поперечный диаметр мозговой коробки. Индивиды, погребённые на памятнике Самсы, характеризуются выраженной брахикранией, тогда как представители сборной серии имеют преимущественно мезокранную форму черепа. Согласно заключению автора исследования сборной серии, также отмечается, что единственным морфологическим признаком, отчётливо отделяющим эту серию от южносибирского антропологического типа, является мезокранный индекс (Исмагулов, 1968, с. 113). Возможно, эта группа представляет собой население иного племенного объединения, сформировавшегося на основе других этногенетических компонентов. Подобная ситуация наблюдается на материалах кимако-кыпчакского периода Среднего Иртыша. Сопоставление краниологических серий с левобережья и правобережья Иртыша показало, что морфологические особенности лицевого отдела черепа населения этих территорий существенно различались. Данное обстоятельство связано со сложностью многокомпонентного состава кимако-кыпчакского союза племён. В связи с этим авторы исследования вспоминают мнение О.И. Исмагулова, согласно которому «антропологический состав населения Казахстана никогда не был столь разнообразен, как в тюркское время», и делают заключение, что данный обобщающий вывод применим и к отдельным регионам Казахстана (Комаров, Китов, 2016, с. 108–109).

На черепах из памятника Самсы зафиксированы признаки непреднамеренной деформации, обусловленной длительным пребыванием в колыбели («бешик»; в каз. яз. – «бесік»). Наиболее ранние свидетельства деформации бешикового типа на территории Жетысу и Притяньшанья прослеживаются уже с раннего железного века. По мнению исследователей, распространение данной

деформации могло быть связано с подвижным образом жизни ранних кочевников, в условиях которого, при сезонных перемещениях на значительные расстояния, возникала необходимость в надёжной фиксации ребёнка (Китов и др., 2019). Кроме того, содержание младенца в колыбели типа бешика облегчало повседневную хозяйственную деятельность женщин, обеспечивая безопасность ребёнка.

Заключение

По результатам радиоуглеродного анализа, погребения в ограде в подбоях, совершённые по мусульманскому обычаю, датируются IX–XI вв. В целом все тюркские погребения памятника Самсы, включая захоронения с конями в катакомбах и подбоях, входят в рамки VIII–XI вв. На территории Жетысу впервые были обнаружены групповые раннетюркские погребения внутри сырцовых оград под курганной насыпью. Таким образом, в материалах одного памятника прослеживаются разнообразие и трансформация погребального обряда тюрков Жетысу, происходившие под влиянием ислама в VIII–XI вв.

Анализ краниологической серии, относящейся к тюркскому времени, из памятника Самсы позволяет отметить следующие моменты:

- По результатам визуально-типологического анализа, мужская и женская части серии отличаются гетерогенностью по ряду морфологических характеристик. В антропологическом составе выборки отмечаются как индивиды с выраженными монголоидными чертами, так и представители смешанного морфологического типа. Однако численность серии невелика, поэтому говорить о её выраженной антропологической неоднородности и наличии двух морфологических компонентов в составе группы пока преждевременно;

- Межгрупповой анализ мужской серии в сопоставлении с синхронными группами выявляет её близость с сериями с территорий Кыргызстана, Восточного Казахстана, Горного Алтая и Южной Сибири, для которых в различной степени характерен монголоидный компонент. Напротив, серии из Хорезма, Согда и Тохаристана представлены европеоидным населением, преимущественно типом среднеазиатского междуречья, и демонстрируют выраженные отличия. В целом подтверждается ранее выдвинутый исследователями тезис о сходстве антрополо-

гического облика тюркского населения Казахстана с типом, распространённым на Алтае и в Кыргызстане. Результаты статистического анализа указывают на «восточное» направление этногенетических связей тюрков Жетысу и их морфологическое сходство с населением сопредельных регионов Тянь-Шаня;

– Наблюдается связь тюркского населения Казахстана, Кыргызстана и Алтая с группами кочевников огузо-печенежского и хазарского времени, обитавшими в регионе Волго-Донья. Зафиксированное сходство, вероятно, обусловлено наличием общих южносибирских корней, сыгравших важную роль в формировании физического облика тюркоязычного населения;

– Индивиды из памятника Самсы имеют выраженную брахиокранную мозговую коробку, отличаясь этим от сборной серии тюрков Жетысу, характеризующихся мезокранией.

Данное различие, вероятно, отражает сложные процессы этногенеза тюркских групп и миграционные взаимодействия в регионе в раннесредневековую эпоху. В целом физический облик тюрков Жетысу характеризуется смешанным типом, что указывает на участие разнородных по происхождению компонентов в формировании антропологического состава местного населения;

– На краниумах фиксируются признаки непреднамеренной деформации бешикового типа, обусловленной длительным пребыванием ребёнка в колыбели. Подобная форма деформации фиксируется на территории Жетысу с эпохи раннего железа. Её распространение, вероятно, связано с практикой длительного содержания младенцев в колыбели, что обеспечивало надёжную фиксацию и способствовало облегчению повседневной хозяйственной деятельности женщин.

Примечания:

¹ Далее в тексте в отношении этих трёх курганов применяется термин «курганный комплекс».

² Иллюстрации к статье подготовлены авторами.

³ В курганах № 6, 8, 10 скелеты сохранились плохо, вследствие чего произвести необходимые измерения крайне затруднительно. Поэтому в данной статье эти данные не отражены.

⁴ Результаты публикуются впервые.

⁵ Набор признаков обусловлен степенью представленности и доступности соответствующих данных в опубликованных источниках.

⁶ См. номера 20 и 22 на графике (рис. 6).

⁷ В скобках даны расстояния Махаланобиса с поправкой на численность.

ЛИТЕРАТУРА

Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года // Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР. Т. I. Археология / Отв. ред. В.Ф. Шахматов. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1956. С. 33–60.

Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 252 с.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Алексеев В.П., Мамонова Н.Н. Палеоантропологические материалы последних веков до нашей эры и тюркского времени с территории Северо-Западного Алтая // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири / Отв. ред. В.П. Алексеев. Новосибирск: Наука, 1988. С. 3–21.

Амиров Е.Ш., Буранбаев Р.Н., Камалдинов И.Р., Жанузак Р.Ж., Ахметов И.Д. Сохранение объектов историко-культурного наследия в зоне строительных проектов: опыт работ на погребальных памятниках Келесской степи // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2025. № 2 (28). С. 250–271.

Балабанова М.А. Кочевники огузо-печенежского времени Волго-Донского региона по данным антропологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29, № 4. С. 20–42.

Буранбаев Р.Н., Жанузак Р.Ж., Шербаев Р.Ш. Раннетюркские погребения памятника Самсы: погребальный обряд и палеоантропологический анализ (Шу-Илейское междуречье) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2024. № 18. С. 136–164.

Газимзянов И.Р. Антропология Танкеевского могильника: краниологический анализ новых и старых материалов // Поволжская археология. 2018. № 1 (23). С. 294–320.

Гинзбург В.В. Антропологические материалы к проблеме происхождения населения Хазарского каганата // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. XIII. / Отв. ред. С.П. Толстов. М.; Л.: АН СССР, 1951. С. 309–416.

Гинзбург В.В. Материалы к краниологии Согда // Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. II. 1948–1950 гг. / МИА. № 37 / Под общ. ред. А.Ю. Якубовского. М.; Л.: АН СССР, 1953. С. 157–167.

Гинзбург В.В., Зезенкова В.Я. Черепа из могильника караханидского времени на Краснореченском городище в Чуйской долине (Киргизия) // КСИЭ. Вып. 17 / Отв. ред. М.Г. Левин. М.: АН СССР, 1952. С. 66–73.

Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972. 371 с.

Гончаров И.А., Гончарова Н.Н. 2016. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ 2015663150 Российская Федерация. Программа MultiCan для анализа многомерных массивов данных с использованием статистик выборок и параметров генеральной совокупности (MultiCan). № 2016610803; заявл. 24.11.2015; опубл. 19.01.2016. 1 с.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР / Труды Ин-та этнографии. Новая серия. Т. IV. М.: АН СССР, 1948. 392 с.

Дебец Г.Ф. Опыт краниологического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии / Отв. ред. В.П. Алексеев, И.С. Гуревич. М., 1968. С. 13–22.

Жанузак Р., Сихымбаева К., Чильдебаева А. Новые данные к антропологии тюркского населения Жетысу // Gumilyov Journal of History. 2025. Т. 150, no. 1. С. 7–27.

Исмагулов О. Материалы по антропологии тюрков Семиречья // Новое в археологии Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1968. С. 112–127.

Исмагулов О. Антропологические данные о тюрках Прииртышья // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1969. С. 80–90.

Китов Е.П., Тур С.С., Иванов С.С. Палеоантропология сакских культур Притяньшанья (VIII – первая половина II в. до н.э.). Алматы: Хикари, 2019. 300 с.

Кияткина Т.П. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1976. 187 с.

Кияткина Т.П. О тюрках в древнем Тохаристане (материалы из могильника Байтудашт) // Материалы к антропологии уральской расы / Отв. ред. И.И. Гохман, Р.М. Юсупов. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. С. 119–134.

Комаров С.Г., Китов Е.П. Новые краниологические данные к вопросу об антропологическом составе тюркского населения степной полосы среднего Прииртышья X–XII вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 2 (33). С. 97–111.

Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А., Кукушкин И.А. Кенотаф золотоордынского времени на могильнике Котыртас (Центральный Казахстан) // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2019. № 4 (6). С. 19–31.

Миклашевская Н.Н. Результаты палеоантропологических исследований в Киргизии // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. II / Под ред. Г.Ф. Дебеца. М.: АН СССР, 1959. С. 295–331.

Могильников В.А. Курганы с сырцовыми выкладками на юге Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. № 2. С. 64–68.

Поздняков Д.В. Формирование древнетюркского населения Горного Алтая по данным антропологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 3 (7). С. 142–154.

Рысиназаров Н. Черепа из могильника Ток-Кала (Каракалпакская АССР) // СЭ. 1965. № 2. С. 67–75.

Тур С.С. Население Краснореченского городища по данным палеоантропологии // Красная Речка и Бурана (Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции) / Ред. В.А. Лившиц и др. Фрунзе: Илим, 1989. С. 120–129.

Шагирбаев М.С., Буранбаев Р.Н., Шербаев Р.К. Лошади из раннетюркских погребений: по материалам памятника Самсы (Шу-Илейское междуречье) // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2024. № 2 (24). С. 252–269.

Ягодин В.Н., Ходжайов Т. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент: Фан, 1970. 254 с.

Информация об авторах:

Жанузак Рамазан Жаксыбайулы, заведующий лабораторией физической антропологии, Институт археологии имени А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); rzhanuzak04@gmail.com

Буранбаев Руслан Нурланович, научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); b_ruslan@inbox.ru

Шербаев Руслан Кудайбергенович, директор, ТОО «Научно-экспериментальная практическая археология «НЭПА» (г. Алматы, Казахстан); sherbaev_75@mail.ru

REFERENCES

- Ageeva, E. I., Patsevich, G. I. 1956. In Shakhmatov, V. F. (ed.). *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN KazSSR. Arkheologia (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Archaeology)* 1. Alma-Ata: Academy of Sciences of the KazSSR Publ., 33–60 (in Russian).
- Alekseev, V. P. 1966. *Osteometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniy (Osteometry. Anthropologic Research Technique)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Alekseev, V. P., Debets, G. F. 1964. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniy (Cranio-metry. Anthropologic Research Technique)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Alekseev, V. P., Mamonova, N. N. 1988. In Alekseev, V. P. (ed.). *Paleoantropologiya i arkheologiya zapad-noy i Yuzhnoy Sibiri (Paleoanthropology and Archaeology of Western and Southern Siberia)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 3–21 (in Russian).
- Amirov, E. Sh., Buranbaev, R. N., Kamaldinov, I. R., Zhanuzak, R. Zh., Akhmetov, I. D. 2025. In *Arkheologiya Kazakhstana (Kazakhstan Archaeology)* 28 (2), 250–271 (in Russian).
- Balabanova, M. A. 2024. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations)* 4 (29), 20–42 (in Russian).
- Buranbayev, R. N., Zhanuzak, R. Zh., Sherbayev, R. Sh. 2024. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ia (Materials on the Archaeology and History of the Ancient and Medieval Northern Black Sea Region)* 18, 136–164 (in Russian).
- Gazimzyanov, I. R. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 23 (1), 294–320 (in Russian).
- Ginzburg, V. V. 1951. In Tolstov, S. P. (ed.). *Sbornik muzeya antropologii i etnografii (Collection of the Papers of the Anthropology and Ethnography Museum)* 13. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 309–416 (in Russian).
- Ginzburg, V. V. 1953. In Yakubovsky, A. Yu. (ed.). *Trudy Tadzhikskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Tajik Archaeological Expedition)*. II. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 37. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 157–167 (in Russian).
- Ginzburg, V. V., Zzenkova, V. Ya. 1952. In Levin, M. G. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii (Concise Bulletins of the Institute of Ethnography)* 17. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 66–73 (in Russian).
- Ginzburg, V. V., Trofimova, T. A. 1972. *Paleoantropologiya Sredney Azii (Paleoanthropology of Central Asia)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Goncharov, I. A., Goncharova, N. N. 2016. *Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii programmy dlya EVM 2015663150 Rossiyskaya Federatsiya (State registration certificate for the MultiCan software. Certificate No. 2015663150; application date: 24.11.2015; publication: 19.01.2016)* (in Russian).
- Debets, G. F. 1948. *Paleoantropologiya SSSR (Paleoanthropology of the USSR)*. Series: *Proceedings of the N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnography. New Series*, 4. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Debets, G. F. 1968. In Alekseev, V. P., Gurvich, I. S. (eds.). *Problemy antropologii i istoricheskoi etnografii Azii (Issues of Asian Anthropology and Historical Ethnography)*. Moscow: “Nauka” Publ., 13–22 (in Russian).
- Zhanuzak, R., Sikhymbayeva, K., Childebayeva, A. 2025. In *Gumilyov Journal of History* 150 (1), 7–27 (in Russian).
- Ismagulov, O. 1968. In Kadyrbaev, M. K. (ed.). *Novoe v arkheologii Kazakhstana (Recent studies in the Archaeology of Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 112–127 (in Russian).

Ismagulov, O. 1969. In Akishev, K. A. (ed.). *Kul'tura drevnikh skotovodov i zemledel'tsev Kazakhstana* (*Culture of ancient pastoralists and farmers of Kazakhstan*). Alma-Ata: "Nauka" Publ., 80–90 (in Russian).

Kitov, E. P., Tur, S. S., Ivanov, S. S. 2019. *Paleoantropologiya saksikh kul'tur Prityan'shan'ya (VIII – pervaya polovina II v. do n.e.)* (*Paleoanthropology of the Sak Cultures of the Tien Shan (8th – first half of the 2nd century BC)*). Almaty: "Khikari" Publ. (in Russian).

Kiyatkina, T. P. 1976. *Materialy k paleoantropologii Tadzhikistana* (*Materials on the Paleoanthropology of Tajikistan*). Dushanbe: "Donish" Publ. (in Russian).

Kiyatkina, T. P. 1992. In Gokhman, I. I., Yusupov, R. M. (eds.). *Materialy k antropologii ural'skoy rasy* (*Materials on the Anthropology of the Ural Race*). Ufa: Bashkir Scientific Center of the Ural Branch of the RAS, 119–134 (in Russian).

Komarov, S. G., Kitov, E. P. 2016. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* (*Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*) 33 (2), 97–111 (in Russian).

Kukushkin, A. I., Dmitriev, E. A., Kukushkin, I. A. 2019. In *Arkheologiya Kazakhstana* (*Kazakhstan Archaeology*) 6 (4), 19–31 (in Russian).

Miklashevskaya, N. N. 1959. In Debets, G. F. (ed.). *Trudy Kirgizskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii* (*Proceedings of Kyrgyz Archaeological and Ethnographic expedition*) 2. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 295–331 (in Russian).

Mogilnikov, V. A. 1999. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* (*Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*) (2), 64–68 (in Russian).

Pozdnyakov, D. V. 2001. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* (*Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*) 3 (7), 142–154 (in Russian).

Rysnazarov, N. 1965. In *Sovetskaia etnografiya* (*Soviet Ethnography*) (2), 67–75 (in Russian).

Tur, S. S. 1989. In Livshits, V. A. et al. (eds.). *Krasnaya Rechka i Burana* (*Materials i issledovaniya Kirgizskoy arkheologicheskoy ekspeditsii*) (*Krasnaya Rechka and Burana. Materials and Studies of the Kyrgyz Archaeological Expedition*). Frunze: "Ilim" Publ., 120–129 (in Russian).

Shagirbayev, M. S., Buranbayev, R. N., Sherbaev, R. K. 2024. In *Arkheologiya Kazakhstana* (*Kazakhstan Archaeology*) 24 (2), 252–269 (in Russian).

Yagodin, V. N., Khodzhaiov, T. K. 1970. *Nekropol' drevnego Mizdakhkana* (*Necropolis of ancient Mizdakhkan*). Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Zhanuzak Ramazan Zh., Head of the Laboratory of Physical Anthropology, Margulan Institute of Archaeology, Dostyk, ave., 44, Almaty, 050010, Kazakhstan; rzhanzak04@gmail.com

Buranbayev Ruslan N., Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Dostyk, ave., 44, Almaty, 050010, Kazakhstan; b_ruslan@inbox.ru

Sherbaev Ruslan K., Director, NEPA Scientific and Experimental Practical Archaeology LLP, Tulebayev str., 94/53, Almaty, 050010, Kazakhstan; sherbaev_75@mail.ru

Статья поступила в журнал 11.08.2025 г.
Статья принята к публикации 23.10.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу